

Научная статья
УДК 811.161.1'276.2
DOI 10.37724/RSU.2022.77.4.013

Проблема лексико-грамматического освоения заимствованных сленгизмов

Чжан Вэй

Чанчуньский политехнический университет, Чанчунь, Китай
xiaotuzhangwei@163.com

Аннотация. В данной статье поднимается актуальная для современного русского языка проблема повсеместного распространения англицизмов, в частности в молодежных сленгах. Важность исследования обусловливается необходимостью рассмотрения недостаточно изученных явлений внутри молодежных сленгов, в первую очередь процесса лексико-грамматического освоения заимствованных сленгизмов; сложность изучения проблемы объясняется, прежде всего, быстрым изменением состава самих сленгов, что, в свою очередь, предопределяется быстрой сменой поколений носителей данных сленгов. Цель статьи — на современном материале проследить развитие процесса заимствования молодежных сленгов из английского языка в русский. Актуальность обращения к исследованию данной проблемы определяется тем фактором, что молодежные социолекты не могут оставаться в стороне от изменений, происходящих в настоящее время в русском языке. Более того, молодежные сленги являются той сферой, которая наиболее подвержена влиянию английского языка, имеющего статус международного. В статье показано, что заимствование новых слов в сленге — динамичный процесс, при котором заимствованные лексемы находятся на разных этапах освоения языком и в разной степени включены в его грамматическую систему. Подчеркивается, что сленговые слова (имена существительные и прилагательные, наречия) могут оставаться неосвоенными, глагольные же сленгизмы грамматической системой языка осваиваются обязательно. Делается вывод о высокой степени интенсивности процесса заимствований в настоящее время, а также о том, что основные словообразовательные модели для современных русских молодежных сленгов те же, что и для социолектов прошлых эпох: присоединение русского аффикса к иноязычной основе и присоединение иноязычного аффикса к русской основе.

Ключевые слова: русский язык, молодежные сленги, англицизмы, освоение заимствований, культура речи.

Для цитирования: Чжан Вэй. Проблема лексико-грамматического освоения заимствованных сленгизмов // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 4 (77). С. 122–131. DOI: [10.37724/RSU.2022.77.4.013](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.77.4.013).

Original article

Lexical and Grammatical Development of Borrowed Slangisms

Zhang Wei

Changchun University of Science and Technology, Changchun, China
xiaotuzhangwei@163.com

Abstract. This article treats the issue of the preponderant use of Anglicisms in the Russian language, especially in the Russian youth slang. The significance of the research is accounted for by the fact that the process of lexical and grammatical development of borrowed slangisms is largely understudied. The rapidity with which slang develops and transforms, which can be explained by the fact that slang is mostly used by young people, accounts for the complexity of the issue. The purpose of this article is to investigate how contemporary English slang is borrowed by the Russian language. The relevance of the research is accounted for by the fact that youth sociolects are subject to changes and develop together with the development of the language. Moreover, youth slang is highly influenced by English, as a global language. The article shows that the process of borrowing is dynamic and some borrowed words undergo grammatical assimilation while other words are blocked from doing so. The article highlights that verbal elements rarely fail to undergo grammatical assimilation permitting them to form constructions, while nouns, adjective and adverbs are sometimes blocked from doing so. The author concludes that the process of borrowing is highly intense and that word-formation models that are used nowadays are the same as the ones that were used in the past (the attachment of a Russian suffix to a foreign base and the attachment of a foreign suffix to a Russian base).

Keywords: Russian language, youth slang, Anglicisms, the development of borrowings, speech patterns.

For citation: Zhang Wei. Lexical and Grammatical Development of Borrowed Slangisms. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2022; 4 (77):122–131. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2022.77.4.013.

Введение

Проблема заимствований была и остается актуальной для современных языков индоевропейской семьи, в том числе и для русского. Поскольку любой русский социолект (в том числе молодежный сленг) является неотъемлемой частью языка, данную проблему применительно к сленгам необходимо, на наш взгляд, рассматривать на более широком фоне, выходя за пределы собственно социолектов и современного языкового состояния, а также привлекая к рассмотрению ситуацию, сложившуюся в других языках.

В настоящее время молодежные сленги демонстрируют, во-первых, рост своего влияния, что исследователи объясняют «не столько сменой поколений, сколько масштабными изменениями политической и социально-экономической ситуации в обществе» [Береговская, 1996, с. 32]; во-вторых, расширение сферы распространения, поскольку эти сленги уже не только бытуют как устные, но и имеют письменные варианты благодаря возможности непринужденного письменного общения в Интернете. В этих условиях повышенное внимание лингвистов к сленгам и жаргонам выглядит вполне обоснованным.

В литературном языке и социолектах процесс лексического и грамматического освоения заимствований протекает сходным образом, но при этом имеются и некоторые различия, обусловленные в первую очередь тем, что литературный язык стремится поставить на пути заимствований те или иные преграды, и в конечном итоге речь идет о том, есть ли необходимость в такого рода заимствовании, насколько носители языка воспринимают данное новое слово или новое значение уже существующей лексемы. В сленге такой проблемы не существует, причем способ и причину проникновения нового слова в данный сленг выяснить чаще всего не представляется возможным. Можно лишь говорить о некоей стихийно формирующейся моде, которая вызывает к жизни ту или иную сленговую лексему. Регулирование и тем более управление процессами языковых заимствований в литературном языке и сленгах также принципиально различны. Если по отношению к литературному языку это представляется в принципе возможным, хотя и трудно достижимым на практике, то в сленгах такая задача не может быть поставлена в принципе в силу абсолютной стихийности и неуправляемости протекающих здесь языковых процессов.

О том, что сама проблема регулирования заимствований возникла давно, свидетельствует то обстоятельство, что еще в конце XVIII века русский писатель А. П. Сумароков предостерегал: «Восприятие чужих слов, а особливо без необходимости, есть не обогащение, но порча языка. <...> Честолюбие возвратит нас когда-нибудь с сего пути несомненного заблуждения; но язык наш толико сею заражен язвою, что и теперь уже вычищать его трудно. <...> Немецкие и французские слова язык наш обезображивают» [Сумароков, 1781–1782, с. 274–277].

Примерно о том же около 100 лет назад в статье «Об очистке русского языка» писал В. И. Ленин: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить “дефекты”, когда можно сказать недочеты, или недостатки, или пробелы?» [Ленин, 1974, с. 49].

В разные эпохи поток заимствований в русском языке отличался как различной интенсивностью, так и преимущественным направлением заимствований: это мог быть немецкий язык (Петровская эпоха), французский (вторая половина XVIII — первая половина XIX веков). Текущий период ознаменован ростом заимствований, прежде всего, из английского.

О том, что проблема засилья англицизмов характерна не только для русского языка, свидетельствует то обстоятельство, что в ряде стран (например, во Франции) приняты меры законодательного характера, ограничивающие проникновение англоязычных заимствований. Так, еще в 1975 году был принят закон о защите французского языка «от вторжения английского и любого другого языка, а значит и чужой культуры» [Чернов, 2006, с. 7]. Начиная с 1970-х годов во Франции создаются терминологические комиссии, чья задача заключается в том, чтобы бороться против засилья английской терминологии. «Тем не менее английская терминология продолжает распространяться во французском языке, и практика доказывает, что борьба против английских терминов малоэффективна, если она ведется только директивными методами» [Клоков, 2009, с. 45].

Аналогичная проблема с давних пор присуща чешскому языку, с тем лишь отличием, что борьба идет с заимствованиями из немецкого, причем также при отсутствии желаемого результата: «Несмотря на многолетние усилия пуристов очистить родной язык от германизмов, эти попытки далеко не полностью увенчались успехом, так как многие слова и конструкции прочно “вжились” в чешский язык и стали его неотъемлемой частью. До сих пор в чешском продолжают существовать такие немецкие заимствования, калькирования и полисемантические слова, многозначность которых развилась под влиянием немецких эквивалентов» [Елизарьева, 2016, с. 108].

В разное время соотношение исконных/заимствованных слов внутри социолектов заметно колеблется. Так, в языке русских беспризорных 20-х годов прошлого века заимствований практически не обнаруживается, что вполне объяснимо: беспризорники в основной своей массе были неграмотны или малограмотны, и говорить о возможности проникновения в их социальный диалект заимствований из какого-то ни было иностранного языка не приходится, за исключением случайных созвучий, а также сленговых единиц типа *халдей* (так персонажи «Республики ШКИД» Г. Белых и Л. Пантелеева называли учителей), привнесенных в язык беспризорных из социолектов XIX века.

Нынешняя эпоха в этом отношении представляет собой полную противоположность языковой ситуации столетней давности. Во-первых, всеобщее образование подразумевает изучение иностранных языков; в условиях современной России это прежде всего английский. Во-вторых, современная российская языковая среда перенасыщена англицизмами:

а) огромно количество заимствований из английского языка, закрепившихся в русском языке в течение последних 30–40 лет: *брифинг*, *имидж* (и *имиджмейкер*), *маркетинг* (и *маркетолог*), *креативный* (и *криэйтор*) и т. д.; при этом заимствования идут беспорядочно и в подавляющем большинстве никак не обогащают русский язык;

б) англоязычные надписи на товарах и вывесках стали привычными и обыденными в повседневной жизни России: *light*, *sale*, *best*, *Lounge* и т. д.; в устной речи подобные слова зачастую воспроизводятся даже без перевода: *лайт-версия*;

в) большую роль в этом процессе играет Интернет, который изначально был англоязычным; несмотря на то, что давно существуют русскоязычные сегменты Интернета, английский язык по-прежнему остается преобладающим; это крайне важно, учитывая то значение, которое Интернет имеет в жизни современной молодежи.

По этим причинам главенствующая роль англицизмов в пополнении состава молодежных сленгов становится очевидной.

Статистическая обработка собранного нами материала показала, что английские заимствования составляют более трети всех приведенных слов (37,57 %), не считая производных от этих англицизмов. Помимо заимствований из английского языка, в составе молодежных сленгов отмечаются заимствования из других языков, как индоевропейских, так и неиндоевропейских. При этом подобные заимствования свойственны прежде всего для ситуации билингвизма, когда для данного социума естественным является достаточно свободное владение сразу двумя языками (или хотя бы понимание их). В России такое положение дел должно быть достаточно характерным для национальных республик.

Некоторые современные иноязычные по происхождению сленговые единицы допускают однословный перевод, но имеют особые оттенки значения: *вайб* — настроение, настрой на какое-либо действие или состояние («у меня сегодня *вайб* погулять»); *трабл* — проблема (как правило, житейская); *кринж* — стыд, постыдная ситуация; *пруф* (по непонятной причине абсолютное большинство опрошенных дает это существительное во множественном числе — *пруфы*) — доказательство¹.

Избыточность для языка таких заимствований несомненна: в них нет острой необходимости, поскольку они не имеют никаких иных значений по сравнению со словами, уже существующими в русском языке. Поэтому в данной группе заимствований на первом плане — соответствие речевой моде.

Отметим и такую особенность молодежного сленга, как его направленность на языковое обособление: молодежный сленг во многом базируется на задаче создания собственного языка, не до конца понятного остальным, в первую очередь старшему поколению. По этой причине введение

---

¹ Здесь и далее, за исключением особо отмеченных случаев, представлены сленгизмы, собранные автором настоящей работы. — Ч. В.

в сленг непонятных (или малопонятных) непосвященным лексических единиц закономерно. Данная особенность роднит молодежные сленги с аргю. Наблюдается, что в сленге предыдущего поколения были подобные примеры: «У него *лонговый херд*» (длинные волосы); «Я в *трабле*» (в подавленном настроении) [см.: Грачев, 2006, с. 641, 534]. Многие из модных слов прежних лет утрачены, на смену им пришли новые, некоторые изменили значение. Например, если раньше слово *трабл* использовалось как синоним подавленности, депрессии, то в современном сленге это «проблема». Слово *олды* раньше относилось к родителям, в современном сленге — вообще ко всем старшим. При этом данное слово приобрело и дополнительные значения: помимо «старый» еще и «знающий, опытный».

Осваиваются английские слова, имеющие в русском языке несколько вариантов перевода, ни один из которых точно не совпадает по значению с английской лексемой: *мейнстрим* — массовость, банальность, *флешбек* — воспоминание, дежавю.

Многие заимствования связаны с появлением новых понятий в общественной жизни (*бодипозитив*, *бодишейминг*, *фуди*), коммерческих реалий (*краудфандинг*, *донатить*), сетевого общения: *спойлер* (преждевременный рассказ о концовке фильма), *лайк* (кнопка «нравится» в соцсетях), *лайкать* (ставить лайк). В отличие от заимствований предыдущей группы эти слова перевести можно лишь описательно, с уточнением. В этом случае при заимствовании реализуется общая закономерность экономии языковых средств, присущая любому языку, «тенденция к нерасчлененности, цельности обозначаемого понятия с нерасчлененностью обозначаемого» [Ломакина, Ефанова, 2003, с. 180].

Если раньше источником заимствований был только общелитературный английский, то в настоящее время некоторые слова приходят непосредственно из английского молодежного сленга, например, *рофлить* (зло подшучивать); заимствуются слова рэп-исполнителей: *панч*, *дисс* (едкие словесные выпады) [см.: Грачев, 2006, с. 482, 351, 112].

Отмечается, что многозначные слова, употребляемые в англоязычном молодежном социолекте в узком значении, проникая в русский язык, сохраняют сленговую семантику, не наследуя полисемию, присущую им в общелитературном английском языке: *гамать* — играть в компьютерные игры; *краш* — предмет неразделенной влюбленности; *мув* — инициатива, побуждение; *сасный* — привлекательный, сексапильный; *флексить* — танцевать.

Крайне мало примеров формирования вторичных лексических значений в этой группе заимствований можно выделить внутри русского сленга:

- *апнуться*: 1) перейти на новый уровень в игре, 2) повысить статус;
- *имбовый*: 1) мощный (в компьютерной игре), 2) модный, эффектный, статусный (об одежде);
- *флекс*: 1) танец, 2) одобрительная оценка, 3) низкий флекс — бедность;
- *флексер*: 1) хороший танцор, 2) «выпендрожник»;
- *флексить*: 1) танцевать, 2) хвастаться, 3) смеяться.

Анализ собранных примеров и их сравнение с данными предыдущих лет подтверждают выдвинутый О. В. Цибизовой и И. И. Галанкиной тезис о быстрой сменяемости лексического состава сленга, перераспределении значимости его функций и размытости границ [см.: Цибизова, Галанкина, 2021, с. 692].

Основная часть

Как уже было сказано выше, молодежные сленги русского языка в последние 20–30 лет активно пополняются англицизмами, которые нуждаются в лексико-грамматическом освоении. Анализ показывает, что темпы такого освоения неодинаковы для разных частей речи.

В первую очередь грамматически осваиваются иноязычные глаголы, точнее, те единицы, которые в принимающем языке (в данном случае — русском) приобретают процессуальное (глагольное) значение. Необходимо подчеркнуть, что, в отличие от других знаменательных частей речи (имена существительные и прилагательные, наречия), которые могут оставаться неосвоенными, глаголы грамматической системой языка (сленги — не исключение) осваиваются обязательно.

Освоение англоязычных глаголов идет исключительно по продуктивным типам (в данной работе за основу взята классификация, представленная в учебнике «Современный русский язык» под редакцией С. М. Колесниковой [Современный русский язык, 2015, с. 104–105]): чаще всего — по пятому: *агр-и-ть(ся)*, *байт-и-ть*, *булл-и-ть*, *дрейн-и-ть*, *крафт-и-ть*, *манс-и-ть*, *флекс-и-ть*; первому: *ап-а-ть*, *гам-а-ть*, *свайп-а-ть*; четвертому: *ап-ну-ть*, *лив-ну-ть*, *схип-ну-ть*; реже — по третьему: *кринж-ева-ть*.

Часть сленговых глаголов образует видовые пары (*байтить* — *забайтить*, *фиксить* — *пофиксить*, *ливать* — *ливнуть*, *скипать* — *скипнуть* и т. п.), однако многие сленговые глаголы — одновидовые, принадлежащие преимущественно к несовершенному виду: *гамать*, *киннить*, *кринжевать*, *рофлить*, *свайпать*, *стримать*, *токсить* и т. п.; одновидовые глаголы совершенного вида немногочисленны: *вкрашиться*, *ребутнуть*.

Что касается остальных иноязычных заимствованных единиц, то в современных сленгах наблюдается не до конца оформленное распределение их по частям речи. Так, лексема *дефолт* одними авторами воспринимается как прилагательное (обычный, привычный), другими — как наречие (обычно). Соответственно этому данная лексема должна вводиться в контекст.

Слово *рандом* относят сразу к трем частям речи: именам существительному (случайность), прилагательному (случайный, произвольный), наречию (случайно, наугад).

Аналогично восприятие лексемы *имба*: это кто-то особенно хороший, крутой, выдающийся («он *имба!*»), или что-то особенно хорошее («погода *имба!*»), то есть слово воспринимается как имя прилагательное, а поскольку грамматически оно не соотносится ни с какой частью речи русского языка, то возможно его восприятие и как наречия в значении «круто» («*имба* поорали!»).

Собственно, вообще непонятно, произойдет ли грамматическое освоение подобных единиц. Фонетически они во многом чужды русскому языку, грамматически в большинстве случаев представляют собой непонятную категорию, что и приводит к отнесению одного и того же слова к разным частям речи.

На наш взгляд, заимствования предыдущих эпох не были фонетически настолько отдалены, поэтому и грамматическое их освоение тоже шло достаточно быстро: например, *хиппарь* вместо *хиппи* (а также *хипповый*, *хипповать*, *хиппануть*). В современных молодежных сленгах такие примеры единичны (*крашиха* на базе *краш*).

Имеются единицы без грамматикализации: междометия *гэгэ*, *лол* (что-то одобрительное), слово *го* или *гоу* (иди, пойдём,), *комон* (призыв к действию), так называемые абстрагированные от смысла слова, выступающие, очевидно, в междометной функции: *гыча*, *клов*, *бобра*, *гном*, *кадило*, *бибки*, *дуло*.

Что касается лексического освоения иноязычных сленговых единиц, то основная часть заимствованных слов сохраняет в сленге значения, присущие им в языке-основе: *анрил* — нереальный, фантастический (англ. *unreal* — «нереальный»); *мейби* — может быть, возможно (англ. *may be* — «может быть») и т. п.

При этом заимствования с новыми значениями в молодежных русских сленгах немногочисленны: *агрить* (*angry* — «сердитый») приобретает значение «провоцировать агрессию»; *юзаный* (поношенный) употребляется с отрицательной оценкой; слабо выраженный и не всеми фиксируемый негативный оттенок имеет глагол *ливнуть*: большинство толкует его значение как «уйти», а в некоторых случаях — «уйти, избегая ответственности»; при этом прослеживается связь с разговорно-просторечным глаголом *слинять*, имеющим последнее из приведенных значений. Очевидно, в данном случае свою роль сыграло созвучие глаголов *ливнуть* и *слинять*, подкрепленное сходством значений.

Похожим образом приобрел новое значение глагол *агрить(ся)*. Как уже было сказано выше, значение лексемы *angry* в английском языке определяется как «сердитый». К формированию у сленгового глагола значения «вызвать, спровоцировать агрессию» привело созвучие с уже закрепившимися в русском языке словами ряда «агрессия, агрессор, агрессивный».

Созвучие способно повлиять на исходное значение слова, придавая ему в том числе юмористическую окраску: *абыюзер* (насилник, домашний тиран) становится *арбузером*, что полностью перечеркивает угрожающее первоначальное значение. Придание шуточной эмоциональной окраски возможно в результате сочетания русских и иноязычных словообразовательных компонентов: *абу-бандит* (ирон.: бандит кавказской национальности), *ачивка* (достижение), *изичка* (легкое дело), *микрочелик* и *личинус* (ребенок), *крашиха* (возлюбленная).

Возвращаясь к роли созвучия русских и иноязычных слов, проникающих в состав русского языка, необходимо отметить, что оно способно играть свою роль не только в сленгах и просторечии, но и в литературном языке, по крайней мере, в разговорном стиле. Так, В. И. Ленин в цитированной выше статье показал это на примере французского глагола *bouder* (сердиться, дуться, проявлять недовольство). В русском употреблении он приобрел значение «побуждать, возбуждать, будоражить». Это неграмотное (исключительно по созвучию) использование иноязычного глагола, как и случаи неуместного употребления иностранных слов, привело Ленина к выводу о необходимости очистки русского языка от безграмотных заимствований.

По замечанию современного лингвиста Л. П. Крысина, «язык умеет самоочищаться, избавляться от функционально излишнего, ненужного. <...> Подобная судьба ждет и некоторые из нынешних модных американизмов, заимствование которых не оправдано ни семантически, ни функционально» [Крысин, 2008, с. 15–16].

Большинство грамматически освоенных сленговых единиц, имеющих форму и значение имен существительных, внешне оформлено как русские существительные 2-го склонения (*абьюзер, баг, байт, бумер, вайб, зумер, краш, кринж* и т. д.). При наличии пары (*кринж* — *кринге*) предпочтение отдается лексеме, оформленной по правилам грамматики русского языка (*кринж*), вторая остается малоупотребительной.

При этом не все подобные слова имеют способность к склонению. Ею обладают некоторые существительные со значением лица (*абьюзер, бумер, зумер, олды*), однако такая способность не является абсолютной, и другие существительные (также со значением лица) не склоняются (*краш*).

Как правило, не склоняются существительные неодушевленные, при этом на признак рода у них могут косвенно указывать зависимые прилагательные: «Он слушает рэп! — Это такой *кринж!*»; «Пойдем в библиотеку? — Что за странный *мув!*»; «Здесь приятный *вайб*»; «У него высокий *флекс*».

Из приведенных примеров очевидно, что заимствованные несклоняемые существительные зачисляются преимущественно в мужской род, что нехарактерно для заимствованных существительных русского литературного языка, которые в большинстве своем попадают в средний род: *какао, метро, пальто, радио* и т. п.

Возможность склонения сленговых единиц невелика. Зафиксированы немногочисленные примеры типа «обойдемся без *кринжа*». Аналогично обстоит дело с существительными типа *джоук* и *рофл* (то и другое — шутка), *дрейн* (легкая грусть) и т. п. Они остаются фонетически не освоенными и не вписаны в грамматическую систему русского языка. Не все новые заимствованные существительные сочетаются с прилагательными: «У меня *муд* потусить»; «Слушать эту группу — *мейнстрим*».

Внешние признаки существительных 1-го склонения имеет меньшее количество заимствованных слов: *ачивка, демка, милфа, нига*. Подобные существительные не только оформлены по образцу 1-го склонения, но и получили весь набор грамматических признаков, изменяясь по падежам и числам и выполняя свойственные существительным синтаксические функции. Однако в этом случае необходимо отметить, что все приведенные слова уже переоформлены по существующим в русском языке образцам. Так, существительное *ачивка* (достижение) образовано от английского *achievement* (с тем же значением). Оно приняло в свой состав суффикс -к- и переоформлено в соответствии с грамматическими и фонетическими особенностями русского языка.

Ряд существительных, вошедших в состав молодежных сленгов из английского языка, никак не оформлен грамматически в соответствии с нормами русского языка: *бести* (и лучший друг, и лучшая подруга); *бро* (брат, друг); *фуди* (ценитель еды, гурман); *хорни* (возбужденное состояние); это же касается лексемы японского происхождения *хикка* (отшельник). Последнее из приведенных существительных имеет русифицированный вариант *хиккан*, что свидетельствует о его грамматическом освоении.

Представляет интерес сопоставление освоения имен существительных современными молодежными сленгами с тем, как иноязычные существительные, непонятные малообразованным носителям языка, осваивались просторечием в середине XX века. Отмечается, что в подобных случаях, если заимствованному существительному было присуще значение лица, оно получало соответствующий русский суффикс: *хулиган* — *хулиганистик*, *супермен* — *суперменистик* (в последнем случае — с ироническим оттенком). Примерно то же явление наблюдается по отношению к исконно русским, но не относящимся к разговорному стилю и не входящим в активный словарный запас большинства носителей языка существительным *супруг* — *супруга*; для просторечия характерна пара *супружник* — *супружница*. Эту форму в ироничной сказке «Про Федота-стрельца, удалого молодца» использует Л. Филатов: «Ты пошто меня скорей / Отослал за сто морей? / Не затем ли, чтоб жениться / На супружнице моей?..» [Филатов], что способствовало созданию комического эффекта.

Современным молодежным сленгам описанный механизм не свойствен: существительные со значением лица имеют суффикс языка-источника: *абьюзер* (тиран), *хейтер* (недруг), *читер* (жулик) и т. п. Причина, очевидно, состоит в том, что большинство носителей современных молодежных сленгов осознают грамматическую природу заимствованных англицизмов, и

дополнительные «грамматические подпорки» в виде русского суффикса лица оказываются лишними.

Образование от англицизмов существительных со значением лица при помощи суффикса -ер является весьма продуктивной моделью для современных молодежных сленгов. Помимо приведенных выше примеров, укажем также *донатер, стример, шиппер, ютубер* и др.

Прилагательные оформляются суффиксами -ов- и -н-: *вайб-ов-ый, кринж-ов-ый, сас-н-ый, юза-н-ый*, а также с помощью суффиксации с одновременной интерфиксацией: *тру(ш)-н-ый*.

Наречия от прилагательных образуются по продуктивному типу: *вайбовый* — *вайбов-о*. Имеются слова наречного характера, не обладающие выраженной грамматической формой, например, *оки* — хорошо. Ясно, что это русифицированный вариант аббревиатуры ОК (*о'кей* — хорошо, правильно, ладно).

В группе *хейт, хейтер, хейтить* существительное со значением лица образовано с иноязычным суффиксом, а глагол — уже по русской модели.

Внутри префиксального способа отметим исключительную продуктивность приставки за-, участвующей в словообразовании глаголов, имеющих как англоязычную основу, так и исконно русских: *загулить, задудосить, заклоунить, заскамить, затиммиться, зафорсить, захейтить, зачекиниться*. Никакой другой префикс не обнаруживает такой продуктивности в современных молодежных сленгах. При этом глагольный префикс за- в молодежных сленгах выступает преимущественно в функции «пустой приставки», используясь лишь для образования видовой пары: бесприставочный глагол несовершенного вида — глагол совершенного вида с приставкой за-. Это до некоторой степени обедняет сленговое словообразование, делая его однообразным и предсказуемым.

При образовании сленговых имен существительных продуктивна суффиксация. При этом она продуктивна как при образовании сленговых существительных от слов литературного языка (*вписать* — *впис-к-а*, *катать* — *кат-к-а*, *токсичный* — *токс-ик*), так и при словообразовании внутри самого сленга (*вайб* — *вайб-ик*, *мем* — *мем-чик*).

Также продуктивным является сокращение слов по аббревиатурному типу (то есть вне зависимости от границ морфем, типа *заместитель* — *зам*, *профессор* — *проф*), которое действует в сленге как при словообразовании от заимствованных лексем (*инстаграм* — *инст*, *коллаборация* — *коллаб*), так и при словообразовании от собственно русских слов (*преподаватель* — *препод*).

При этом, в отличие от литературного языка, где данный способ словообразования характерен лишь для имен существительных, в молодежных сленгах он действует и для имени прилагательного (*согласен* — *согл*), и в категории глагола (хотя и не для заимствованных глаголов): *понял* — *пон*, *принял* — *прин*.

Обобщая, в группе заимствованных сленгизмов можно выделить следующие словообразовательные модели: во-первых, присоединение иноязычного аффикса (главным образом суффикса существительных -ер) к иноязычной основе: *донат-ер, стрим-ер, шипп-ер, ютуб-ер* и т. п.; во-вторых, присоединение к иноязычной основе русских аффиксов: по этой модели образованы все англоязычные по происхождению глаголы современных молодежных сленгов, а также некоторые имена существительные (*ачив-к-а, мем-чик*), прилагательные (*лайт-ов-ый, труш-н-ый*), наречия (*вайбов-о*). Присоединение иноязычных аффиксов к русской основе фиксируется крайне редко: *абубандит*.

В этой связи представляется необходимым выяснить, насколько описанные словообразовательные модели характерны для различных социолектов русского языка прежних эпох и молодежных жаргонов других языков, или же речь идет о принципиально новых явлениях.

Исследователи (В. И. Даль, В. Д. Бондалетов) первого детально описанного русского арго — так называемого офенского языка — отмечают, что очень часто офени присоединяли к заимствованному слову понятные русские приставки и суффиксы, и оно получало новое, но в чем-то привычное значение, а вместе с тем было непонятно для непосвященных. Например, «дунгыз» по-татарски «свинья». К татарскому корню присоединяется финаль *-ятина* с присущим ей в русском языке значением «мясо животных». Результат — «донгузятина», то есть «свинина». Аналогично словообразование прилагательного «бестугурный»: марийский корень «тугур» (рубашка), русская приставка без- и типичный для русского прилагательного суффикс -н-: «бестугурный», то есть голый.

Помимо названного арго, в русском языке в течение XIX — начала XX века формируются и развиваются такие молодежные социолекты, как жаргоны студентов и бурсаков. И тот, и другой имели в своем составе значительное количество иноязычных лексем и испытали заметное влияние латыни,

греческого, а также немецкого языка (студенческие жаргоны). В данных социолектах выделяются те же словообразовательные модели, что и в офенском языке:

– присоединение русского аффикса к иноязычной основе (машер-очк-а — от франц. *ma chère* — «моя дорогая, милочка»; медам-очк-а — *mes dames* — «мои дамы»; ами(ш)-к-а — *amie* — «подруга»); в последнем случае, помимо суффикса -к-, используется интерфикс);

– присоединение иноязычного аффикса к русской основе (павл-он — юнкер Павловского училища; михайл-он — юнкер Михайловского училища);

– присоединение латинских суффиксов к русской основе (как было отмечено выше, этот способ не особо продуктивен для современных молодежных сленгов, хотя и находит свое применение): *заведенция, изведенция, лупсенция; свинтус*.

Что касается буршеского языка, то исследователи указывают на характерность для него тех же принципов словообразования, что и для русских социолектов той же эпохи: присоединение иноязычных суффиксов к корню родного языка, присоединение немецких суффиксов к иноязычным корням [Россихина, 2012, с. 4].

Таким образом, основные словообразовательные модели для современных русских молодежных сленгов те же, что фиксировались для социолектов прошлых эпох — как русских (язык офеней, бурсацкий жаргон), так и других языков (буршеский язык).

Заключение

Приведенные примеры показывают, что заимствование новых слов в сленге — динамичный процесс, при котором слова-заимствования находятся на разных этапах освоения языком и в разной степени включены в его грамматическую систему.

Пополнение состава молодежных сленгов путем заимствования иноязычных слов является типичным явлением для этого слоя языка, однако источники заимствования и интенсивность процесса различны.

Так, для русских студенческих жаргонов первой половины XIX века основным языком-донором был немецкий, для жаргона бурсаков — греческий и латынь, для современных молодежных сленгов — английский язык.

Вывод о высокой степени интенсивности процесса заимствований в нынешнюю языковую эпоху является верным, но не универсальным для любого периода: если в современных молодежных сленгах доля заимствований очень велика, то применительно к молодежным жаргонам XIX века таковых насчитывается 4 % (подсчеты по данным «Словаря русского школьного жаргона XIX века» О. А. Анищенко [Анищенко, 2007]).

Список источников

1. Анищенко О. А. Словарь русского школьного жаргона XIX века. — М. : ЭЛПИС, 2007. — 368 с.
2. Береговская Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. — 1996. — № 3. — С. 32–41.
3. Грачев М. А. Словарь современного молодежного жаргона. — М. : Эксмо, 2006. — 672 с.
4. Елизарьева М. А. К истории немецко-чешского языкового контакта // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2016. — Вып. 20 (759). — С. 97–108.
5. Клоков В. Т. Современный взгляд на языковую политику Франции. Часть 1 // Известия Саратовского университета. Сер. «Филология. Журналистика». — 2009. — Т. 9, № 2. — С. 40–46.
6. Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях. — М. : Знак, 2008. — 320 с.
7. Ленин В. И. Об очистке русского языка // Полное собрание сочинений. — Изд. 5-е. — М. : Изд-во полит. лит., 1974. — Т. 40. — С. 49.
8. Ломакина М. О., Ефанова Л. Г. О терминах «молодежный жаргон», «молодежный сленг» и «язык молодежной субкультуры» // VI Общероссийская межвузовская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование». — Томск : ТГПУ, 2003. — Т. 2. Лингвистика и филология. — С. 178–182.
9. Россихина М. Ю. Немецкий буршеский язык в лексикографических источниках первой половины XIX века // Вестник Брянского государственного университета. — 2012. — № 2-1. — С. 284–289.
10. Современный русский язык : в 3 т. / С. М. Колесникова, Н. А. Николина, В. А. Лаврентьев [и др.] ; под ред. С. М. Колесниковой. — М. : Юрайт, 2015. — Т. 2. Морфология. — 208 с.
11. Сумароков А. П. О истреблении чужих слов из русского языка // Полное собрание сочинений. — М. : Изд. Н. Новикова, 1781–1782. — Т. IX. — С. 274–277.

12. Филатов Л. А. Про Федота-стрельца // Lib.Ru : б-ка М. Мошкова. — URL : <http://lib.ru/ANEKDOTY/fedot.txt> (дата обращения: 17.06.2022).
13. Цибизова О. В., Галанкина И. И. Англицизмы в молодежном сленге 2020–2021 гг.: опыт описания и анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Теория языка. Семиотика. Семантика». — 2021. — Т. 12, № 3. — С. 684–698. — DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-684-698.
14. Чернов И. В. Международная организация Франкофонии: лингвистическое измерение мировой политики. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. — 224 с.

References

1. Anishhenko O. A. *Slovar' russkogo shkol'nogo zhargona XIX veka* [Dictionary of Russian School Jargon]. Moscow, JeLPIS Publ., 2007, 368 p. (In Russian).
2. Beregovskaja Je. M. Youth Slang: the Formation and the Functioning. *Voprosy jazykoznanija* [Issues of Linguistics]. 1996, no. 3, pp. 32–41. (In Russian).
3. Grachev M. A. *Slovar' sovremennogo molodezhnogo zhargona* [Dictionary of Contemporary Youth Jargon]. Moscow, Jeksmo Publ., 2006, 672 p. (In Russian).
4. Elizar'eva M. A. To the History of German and Czech Linguistic Contact. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities]. 2016, iss. 20 (759), pp. 97–108. (In Russian).
5. Klovov V. T. Modern View on French Language Policy. Part 1. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija "Filologija. Zhurnalistika"* [Bulletin of Saratov University. Philology. Journalism series]. 2009, vol. 9, no. 2, pp. 40–46. (In Russian).
6. Krysin L. P. *Slovo v sovremennyh tekstah i slovarjah* [Words in Modern Texts and Dictionaries]. Moscow, Sign Publ., 2008, 320 p. (In Russian).
7. Lenin V. I. Purification of the Russian Language. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Collection of Works]. Moscow, Political Literature Publ., 1974, vol. 40, p. 49. (In Russian).
8. Lomakina M. O., Efanova L. G. On Youth Jargon, Youth Slang and Youth Subculture. *VI Obshherossijskaja mezhdunarodnaja konferencija studentov, aspirantov i molodyh uchenyh "Nauka i obrazovanie"* [The 6th All-Russian Interuniversity Conference of Students, Postgraduates, Young Researchers "Science and Education"]. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2003, vol. 2. Linguistics and Philology, pp. 178–182. (In Russian).
9. Rossihina M. Ju. The Burushaski Language in Lexicographical Sources in the First Half of the 19th Century. *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Bryansk State University]. 2012, no. 2-1, pp. 284–289. (In Russian).
10. Kolesnikova S. M., Nikolina N. A., Lavrent'ev V. A. [et al.]. *Sovremennyj russkij jazyk* [Modern Russian Language]. Kolesnikova S. M. (ed.). Moscow, Jurajt Publ., 2015, vol. 2. Morphology, 208 p. (In Russian).
11. Sumarokov A. P. On the Purification of the Russian Language. *Polnoe sobranie sochinenij* [Collected Works]. Moscow, N. Novikov Publ., 1781–1782, vol. IX, pp. 274–277. (In Russian).
12. Filatov L. A. The Tale of Fedot the Strelets. *Lib.Ru. M. Moshkov's Library*. Available at : <http://lib.ru/ANEKDOTY/fedot.txt> (accessed: 17.06.2022). (In Russian).
13. Cibizova O. V., Galankina I. I. Anglicisms in Youth Slang in 2020–2021: Analysis and Description. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija "Teorija jazyka. Semiotika. Semantika"* [Bulletin of People's Friendship University of Russia. Linguistic Theory, Semiotics, Semantics series]. 2021, vol. 12, no. 3, pp. 684–698. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-684-698. (In Russian).
14. Chernov I. V. *Mezhdunarodnaja organizacija Frankofonii: lingvisticheskoe izmerenie mirovoj politiki* [The International Organization of Francophone: the Linguistic Dimension of the World Policy]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2006, 224 p. (In Russian).

Информация об авторе

Чжан Вэй — ассистент кафедры русского языка Чанчуньского политехнического университета.
Сфера научных интересов: лексикология, лингвокультурология.

Information about the author

Zhang Wei — Assistant in the Department of the Russian Language at Changchun University of Science and Technology.
Research interests: lexicology, linguoculturology.

Статья поступила в редакцию 05.09.2022; принята к публикации 30.10.2022.

The article was submitted 05.09.2022; accepted for publication 30.10.2022.